При описании битвы с печенегами в 1036 году летописец указывает место битвы там, „идеже стоить ныне святая Софья, митрополья Русьская; бе бо тогда поле вне града“.[1]

* * *

Приведенные выше отрывки летописного текста свидетельствуют о том, что с первых страниц „Повести временных лет“ и вплоть до начала 70-х годов XI века через летописное повествование красной нитью проходит устойчиво применяющийся прием своеобразной „научной аргументации“, как бы подтверждающей историческое или полулегендарное повествование ссылкой на разнообразные вещественные памятники далекого для времени самого летописца прошлого.

Сам по себе этот факт, не отмечавшийся, сколько мне известно, исследователями древнерусского летописания с необходимой полнотой, представляет уже значительный интерес как для характеристики работы древнерусского летописца, так и для уяснения предистории русской археологической науки. Необходимо отметить, что исследователи древнерусского летописания, характеризуя отдельные этапы его развития, указывали среди источников, откуда летописцы того или иного времени могли черпать свои материалы, фольклорные источники, упоминая иногда в числе последних и овеянные легендами „мемориальные урочища, или предметы“, в частности древние курганы, связанные с именами исторических деятелей.[2] Однако эти упоминания имели обычно несколько случайный, эпизодический характер, в результате чего и самый прием летописной работы, имеющий для нас особый интерес, оставался невыясненным и терялся среди многих других особенностей труда летописца, которым исследователи древнерусских летописей уделяли основное свое внимание.

Таким образом, до настоящего времени оставалась невыполненной даже первичная задача систематизации интересующих нас „археологических экскурсов“ древнерусского летописца; вовсе же неясным оставался вопрос о том, является ли прием аргументации с помощью привлечения вещественных памятников приемом, характеризующим какого-либо определенного летописца, или же это — черта, свойственная древнерусскому летописанию вообще, или хотя бы какому-нибудь его периоду. Попытка ответить на этот вопрос заставляет нас обратиться к сложнейшей и до настоящего времени дискуссионной проблеме исторического состава „Повести временных лет“. Как установлено исследователями древнерусского летописания — акад. А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым, Д. С. Лихачевым и др., — „Повесть временных лет“, один из замечательнейших памятников высокой культуры Киевской Руси, является произведением, далеко не однослойным.

Критическое изучение этого летописного свода имеет за собой уже почти полуторавековую историю. Если даже не ставить в настоящей работе непосильную для автора задачу изучения всей историографии интересующего нас памятника, то все же необходимо отметить, что даже исследователи, изучавшие „Повесть временных лет“ за последние полвека, стояли и стоят далеко не на тождественных позициях в решении важнейших вопросов истории сложения этого памятника.

---

[1] Лавр. лет. 6544 (1036) г.

[2] История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 262. Ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 41.